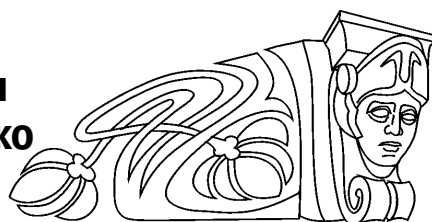

УДК 821.161.1.09-3[39+398](470.67)

Отражение и трансформация дагестанского фольклора и этнографии в творчестве В. И. Немировича-Данченко

А. Р. Гашарова

Гашарова Аида Руслановна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела фольклора, Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы, Дагестанский научный центр РАН, Махачкала, aida.2015@yandex.ru

В статье рассматриваются произведения Вас. Ив. Немировича-Данченко, посвященные Дагестану. В них писатель изображает быт и нравы, фольклор и этнографию дагестанских горцев. Говоря о трансформации дагестанского фольклора в творчестве писателя, автор одновременно привлекает и этнографические сведения, присутствующие в произведениях Немировича-Данченко, отражающих Дагестан.

Ключевые слова: русская литература, Немирович-Данченко, дагестанский фольклор, этнография, трансформация.

The Reflection and Transformation of Dagestan Folklore and Ethnography in the Works of V. I. Nemirovich-Danchenko

A. R. Gasharova

Aida R. Gasharova, <http://orcid.org/0000-0002-1651-1740>, The G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, 45 M. Gadzhiev St., Makhachkala 367025, Russia, aida.2015@yandex.ru

The article considers the works of Vas. Iv. Nemirovich-Danchenko, dedicated to Dagestan. In his works the writer depicts the life and customs, folklore and ethnography of the Dagestan highlanders. Speaking about the transformation of Dagestan folklore in the works of Nemirovich-Danchenko, the author of the article also draws upon the ethnographic data featured in the works of Nemirovich-Danchenko, reflecting Dagestan.

Keywords: Russian literature, Nemirovich-Danchenko, Dagestan folklore, ethnography, transformation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-204-207>

Из русских писателей конца XIX – начала XX в., в чьем творчестве отражен Дагестан, можно выделить Василия Ивановича Немировича-Данченко. Дагестанские фольклорно-этнографические материалы образляют связанные местом действия со «страной гор» многочисленные очерки, рассказы, повести и романы писателя. В них много верных этнографических деталей, описание местных обычаев и обрядов, а также религиозных представлений дагестанских горцев прошлых столетий.

Немирович-Данченко, сын кавказского офицера, родился в Тифлисе. Детство поэта прошло в Грузии и Дагестане, к Кавказу он сохранил привязанность на всю жизнь. О себе он писал:

«Для меня Кавказ не чуждый край, я там родился и вырос и потом не раз и подолгу посещал его»¹.

В творческом портфеле писателя-беллетриста около 250 произведений, которые не получили должной оценки в советском литературоведении. Попытка объективного исследования творчества писателя впервые была предпринята Г. Г. Ханмурзаевым².

Изучению творчества писателя предшествует еще одна трудность: Немирович-Данченко не раз переиздавал свои произведения под разными названиями, в ряде случаев внося изменения и в содержание текстов.

О Дагестане у Немировича-Данченко речь идет в следующих произведениях: «Воинствующий Израиль» (неделя у дагестанских горных татов), 1880; «Дагестанские захолустья», 1894 (фактически это предшествующее произведение, но под другим названием); «Забывтая крепость» (ч. 1 – «Горные орлы», ч. 2 – «Горе забытой крепости»), 1895; «В море (Очерки и впечатления из поездок по низовьям Волги и по Каспию)», 1897; «Кавказские богатыри (Очерки жизни и войны в Дагестане)» (ч. 1 – «Газават – священная война», ч. 2 – «В огневом кольце», ч. 3 – «Победа»), 1902; «Вольный Шамхал», 1903; «Под горячим солнцем», «Рассказы о Кавказе», 1903 (Дагестан в этой книге посвящена лишь первая часть «В Дагестане», но в ней снова опубликованы материалы, ранее известные под названием «Воинствующий Израиль»). Почти все эти произведения интересны в фольклорно-этнографическом отношении.

Еще в 1888 г. Немирович-Данченко охарактеризовал Дагестан как «любопытнейший этнографический калейдоскоп ея населения». Было бы неправомерно говорить только о влиянии или использовании тех или иных дагестанских фольклорных памятников и не упоминать об отношении героев к ним, об описываемой русским писателем обстановке исполнения и использования народных песен, легенд.

В первой же книге о Дагестане «Воинствующий Израиль» автор обстоятельно описывает устройство жилищ горских татов, утварь, оружие, довольно квалифицированно рассказывает о террасном земледелии, здесь мы находим сведения об обычаях и обрядах народа: о многоженстве, о природе абречества и кровомщени, о похищении невест, о выдаче девушек замуж за выкуп.

«Воинствующий Израиль» содержит и некоторый местный фольклорный материал. Такова

легенда о возникновении Кай-Булагской щели (повествование о том, как богатырь разрубил шашкой вставшую на его пути гору).

Налет мусульманского религиозного влияния лежит на легендах о филинах, которые обратились в злое племя, дружившее с шайтаном; об укрощении змеи, чем будто бы местные жители обязаны гяурской Мириам (Богоматери); о вымершем роде святоотца, который выстроил дворец из надгробий еврейского кладбища.

Немирович-Данченко замечает, что «христианские предания живут еще в этой давно омусульманившейся стране. Развалины христианских храмов встречаются повсеместно, и окрестное население к ним относится с суеверным страхом»³. Трудно сказать, насколько это наблюдение соответствует действительности, однако упоминание о сохранившихся остатках древнего христианского храма встречалось и у Бестужева-Марлинского.

Весь этот материал – свидетельство кропотливого и добросовестного отображения писателем быта горских татов. Его прогноз об отсутствии будущего у этой народности мрачен: «Ни в чьих преданиях, ни в чьей песне не останется памяти об исчезнувшем народе, и скоро, проходя мимо его могил, мимо этих безмолвных и безлюдных аулов, никто не будет знать, какая жизнь кипела на этих обрывах, под этими плоскими кровлями, какие сердца бились там и каких суровых драм были молчаливыми свидетелями эти раскидистые дубы и каштаны»⁴. Видимо, продиктован он тогдашней позицией писателя, оказавшегося эмигрантом. Жизнь возродила эти земли и их население, опровергнув мрачное предсказание.

В другом дагестанском произведении «Горные орлы» Немировича-Данченко изображен аварский аул Салты. Кстати, вышедшая в 1902 г. книга «Кавказские богатыри (Очерки жизни и войны в Дагестане)», как показывает текстуальное сличение, – это фактически первая часть («Горные орлы») исторического романа «Забытая крепость». Автор описывает архитектуру аула, пестрый салтинский базар, внешний вид жителей, знакомит читателей с рядом обычаев.

Весь этнографический материал абсолютно достоверен. О знании писателем местного фольклора свидетельствует частое и смелое обращение его к местным пословицам и поговоркам («Кукуруза дома лучше шерbeta на чужбине», «Подними любой камень – и под ним найдешь лака», «Плох тот сокол, который опускает крылья от того, что вороны раскаркались над ним»). Это произведение, как и предыдущее, богато мудрыми изречениями и крылатыми выражениями («сокол – смелая птица, но первый не нападает на орла», «поди и вырви изо рта тигра ягненка», «ни у одной лезгинской матери не могло быть сына, не знающего, что, когда старики молчат, молодым щенкам лаять не следует», «на мою кровлю шелуху выбросила») и др.

Песни горцев в этом произведении в основном авторские, в которых ощущается отзвук многих действительно народных любовных песен. Например:

Азраил унесёт нас высоко,
Где волшебные птицы поют.
У дворцов бирюзовых Пророка
Там прекрасные звёзды востока
На деревьях волшебных цветут⁵.

Образ Азраила – ангела смерти из мусульманской мифологии, представленный в приведенном отрывке, многократно встречается в фольклоре Северного Кавказа, в том числе и Дагестана. У М. Ю. Лермонтова есть поэма под одноименным названием. Так, литературовед Л. Семенов⁶ ссылается на кумыкскую песню «Участь бобыля», где упоминается этот образ.

Однако, говоря об этой связи, в данном случае следует иметь в виду, что она не носит поверхностного характера и не является следствием переложения определенных фольклорных источников на свой авторский язык. Между его дагестанскими произведениями и фольклорными источниками, их отдельными ситуациями и образами лежит глубокая внутренняя связь, иногда почти неуловимая. Главная опасность при освещении данного вопроса – не оказаться в плену формализма и не пойти по пути выискивания чисто внешнего аналогий.

Заметим кажущееся и нам небезосновательным мнение, вложенное в уста кабардинского князя: «Слишком много у вас, у лезгин, о любви поют»⁷. Действительно, может быть, и сам не до конца осознавая значимость этого наблюдения, Немирович-Данченко через своего героя выражает характерную особенность дагестанской фольклорной поэзии. Интереснейший вывод делает писатель относительно историзма фольклорных произведений. На конкретном примере он показывает, что среди горцев «песня служила документом. Она доказывала право владения, подтверждала союз, заключенный племенами. Муллы и эффенди напрасно гнали её, – она пережила их преследования»⁸. В народе наметилось негативное отношение к духовенству, потому что оно «противостояло новым порядкам и выступало за патриархально-феодалные пережитки»⁹.

В отличие от других народностей Северного Кавказа, в дагестанском фольклоре преобладающими являются произведения мифического жанра, нежели большие эпические формы.

В одном из комментариев писатель приводит легенду о том, как гергебилская невеста идет маленькими шажками в дом жениха: выходит утром, но случается, что и к ночи не доходит.

Писатель приводит не одно местное поверье и сказание. Опираясь на опыт своих предшественников и основываясь на фактическом фольклорном материале горцев, Немирович-Данченко

обращается и к мифическому Прометею, пытаясь реалистически обосновать связь мифа с Кавказом: «От грохота воды... точно вздрагивали горы. Во время оно крики таких же потоков подслушал грек-странник и воздал дивный миф о Прометее, прикованном к кавказскому утесу»¹⁰.

Из известных русских писателей, побывавших в Дагестане, первым, кто упоминал Прометея, чей образ под разными именами бытует в фольклорных интерпретациях народов Кавказа, оказался А. С. Грибоедов в своих «Путевых заметках» (1819). Стоит оговориться, что обращение Грибоедова именно к этому образу продиктовано не столько фольклорными интересами писателя, сколько политическими: идеалом свободолюбия.

Упоминание о горе Шайтан, связанной с местной легендой о кавказском Прометее, мы встречаем и в поэме Лермонтова «Измаил-Бей»: «Здесь три столетия очарован, он тяжкой цепью был прикован»¹¹.

Ясно, что здесь речь идет не столько о герое древнегреческой мифологии, сколько о фольклорном образе, известном на Кавказе под разными именами и в разном облике то злого, то доброго духа (у грузин и южных осетин – Амран, Амрани, у абхазцев – Абласкир, у армян – Артавазд и Мгер, у ингушей это Соска-Солса, у черкесов – просто великан, прикованный на вершине Эльбруса).

Еще одно свидетельство, основанное на легенде, что «сей край» был «свидетель казни Прометея», мы находим в отрывке из цикла стихотворений А. Полежаева, написанных в Дагестане и Чечне, «Послания к А. П. Лозовскому».

Идейное содержание произведения «Горные орлы» обнаруживает в писателе человека, понимавшего внутренние стимулы Кавказской войны. На примере аварского аула Салта писатель показывает, что мужчинам аула, несмотря на их воинственный дух, имело бы больше смысла заниматься хозяйством, нежели идти в растлевающие грабежами походы, которые подчас несут бессмысленную гибель. Автору удалось показать, как ловко коварные турки используют салтинцев в своих военных целях против русских. Таковы некоторые фольклорно-этнографические особенности этой книги.

Книга «Очерков и впечатлений из поездок по низовьям Волги и по Каспию» Немировича-Данченко имеет общее название «В море». Некоторые главы из маршрута автора содержат дагестанские материалы, это: «Чечня», «Дербент», «Каспий».

Очерк о Чечне объединяет и впечатления «о дагестанцах, живущих по соседству с чеченцами вдоль Андийского хребта». Поэтому ту характеристику, которую автор дает народному творчеству чеченцев, мы вправе отнести и к дагестанскому фольклору: «Симпатичные стороны чеченцев сказываются в их былинах и песнях. Бедный по количеству слов, но чрезвычайно образный язык этого племени как будто создан, по словам

знающих исследователей Андийского хребта, для легенды и сказки, наивной и поучительной в одно и то же время»¹².

Когда писатель по ходу действия своего произведения знакомит читателя со сказкой, он не ограничивается только передачей ее содержания, но и описывает, как и кем она рассказывается. Сказка не оставляет сомнения в своем восточном происхождении, но, судя по именам персонажей, не исключено, что она может быть и собственно дагестанской. Свидетельство тому, например, все те же имена персонажей, хотя они и искажены: Султа – Султан, Батерха – Батыр-хан, Селтанет (подобно героине повести Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек»).

Немирович-Данченко излагает несколько историй «об ученом мулле Нассыр-Эддине» (сохранено авторское написание фольклорного персонажа. – А. Г.). Они следуют после некоторых замечаний наблюдательного автора: «Передадим здесь две–три сказки чеченцев. Не станем останавливаться на героических и фантастических. Богатырский и волшебный эпос у всех народов почти идентичен. Особенности племени сказываются гораздо ярче в юморе его, хотя и тут есть много общего между каким-нибудь чеченцем, выросшим в горных аулах Андийского хребта, и нашим владимирским пахотником. И там, и здесь народное творчество одинаково добродушно подтрунивает над муллой и батюшкой, над кадием и судьей неправедным. Это, так сказать, общеобязательные темы, но из них у чеченцев особенно выделяются сказания о знаменитом Нассыр-Эддине, ученом мулле, прикидывающемся дураком и простофилей для того, чтобы тем легче оболванить свою будущую паству»¹³.

Достоинно особого внимания то, как верно Немирович-Данченко подметил общность социальной направленности народного творчества двух разных народов (жителя Андийского хребта и владимирского пахотника).

К описанию исполнения народной песни, которая импровизируется в окружении зрителей-слушателей, обращается писатель в очерке «Дербент». Он описывает, какое удивительное впечатление произвел на него этот торжественный акт рождения песни: «...чей-то поистине прекрасный голос, точно вздыхая и замирая, запел поэтическую песню, одну из тех, которыми так богат прикаспийский юг... Я пошел туда... молодой красавец... импровизировал уже новую песню. Потом, заметив нас, он стал импровизировать и о хороших кунаках, пришедших послушать его, дербентского “маладца”, на которого, между прочим, из-за всех створчатых ставень заглядываются красивейшие девушки»¹⁴.

Даже из этих отрывочных материалов, очевидно, что кавказское творчество писателя и военного очеркиста Немировича-Данченко представляет определенный интерес как с этнографической, так и с фольклорной стороны.

Следует отметить, что, говоря о фольклорности и касаясь стилевых особенностей дагестанских произведений Немировича-Данченко, нельзя не учитывать многочисленных примеров чисто внешнего подражания, излишней концентрации лексико-этнографического материала в ущерб художественному изображению, имитации под народный стиль, особенно в ряде песен.

Примечания

- ¹ Немирович-Данченко Вас. Из летней поездки по Кавказу // Северный Кавказ. 1888. № 27. С. 1.
- ² См.: Ханмурзаев Г. Дагестан в русской литературе XIX века (Проблема национального характера) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.
- ³ Немирович-Данченко Вас. Дагестанские захолюстья. СПб., 1894. С. 46.

- ⁴ Дагестан в русской литературе : сб. : в 2 т. Махачкала, 1960. Т. 1. С. 412.
- ⁵ Там же. С. 419.
- ⁶ См.: Семенов Л. Лермонтов и фольклор Кавказа. Пятигорск, 1941. С. 21.
- ⁷ Немирович-Данченко Вас. Горные орлы. Исторический роман из времен Кавказской войны. СПб., 1904. С. 55.
- ⁸ Немирович-Данченко Вас. Горе забытой крепости. СПб., 1904. С. 81–82.
- ⁹ Гашарова А. Антиклерикальные мотивы в фольклоре лезгин // Исламоведение. 2017. Т. 8, № 4. С. 74.
- ¹⁰ Дагестан в русской литературе. Т. 1. С. 418.
- ¹¹ Лермонтов М. Собр. соч. : в 4 т. М., 1957–1958. Т. 2. С. 272.
- ¹² Немирович-Данченко Вас. В море. М., 1897. С. 74.
- ¹³ Там же. С. 75–76.
- ¹⁴ Там же. С. 127–128.

Образец для цитирования:

Гашарова А. Р. Отражение и трансформация дагестанского фольклора и этнографии в творчестве В. И. Немировича-Данченко // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 204–207. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-204-207>

Cite this article as:

Gasharova A. R. The Reflection and Transformation of Dagestan Folklore and Ethnography in the Works of V. I. Nemirovich-Danchenko. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 204–207 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-2-204-207>
